

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156

УДК 952:321(470+571)“634”(045)

Политическая культура Японии в догосударственный и раннегосударственный период

Б.В. Кица

Институт философии РАН, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Научная проблема работы состоит в определении представлений и установок древних японцев в отношении феномена политической власти. Актуальность работы обусловлена тем, что в рассматриваемый период сформировались установки политической культуры, оказывавшие влияние на политическое сознание японцев на протяжении всей истории страны, в том числе и современной. Цель работы — реконструировать черты политической культуры древней Японии, сформировавшиеся независимо от влияния китайской политической мысли. В рамках исследования отмечается проблема, связанная с неточностями в устоявшейся датировке периодов Дзёмон и Яёй, что значимо в контексте необходимости объяснить причины слабости китайского культурного влияния на население Японских островов вплоть до IV в.н.э. В статье рассматриваются синтоистские установки сакрализации власти императоров, формальное и фактическое место аристократии в политической культуре страны и специфика возникновения национального самосознания в Японии. В результате исследования автор приходит к выводам, что идея обожествления императора берет свое начало в архаичных анимистических верованиях и идее «усмирения богов», а затем развилась как средство выстраивания властной иерархии между кланом Ямато и иными аристократическими кланами. Преимущественно мирный характер объединения японских островов и последовавшая за ним милитаризация в IV в.н.э. позволили создать систему управления, схожую с феодальной системой в Западной Европе раннего Средневековья. Сакрализация фигуры императора способствовала легитимизации власти аристократии, что позволило ей к концу VI в.н.э. консолидировать власть в своих руках. В VI в.н.э. в Японии начинают проявляться первые черты национального самосознания, что проявляется в идее «обожествления страны» и в возникновении системы самоидентификации «свой — чужой» в отношении других народов. Этнокультурный фактор выступал в качестве ключевого для национальной самоидентификации.

Ключевые слова: политическая культура; древняя Япония; Ямато; сакрализация власти; аристократическое правление; национальное самосознание; синтоизм

Для цитирования: Кица Б.В. Политическая культура Японии в догосударственный и раннегосударственный период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):147-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156

ORIGINAL PAPER

The Political Culture of Japan in Pre-State and Early State Period

B.V. Kitsa

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ANNOTATION

The purpose of the work is to study the specifics of the formation of Japanese political culture in the pre-state and early state periods in order to identify the main factors that influenced the further historical development of the country. The research is based on a number of scientific Russian, English — and Japanese — language works of political and historical orientation, as well as written historical sources of Chinese and Japanese origin. The paper attempts to reconstruct the features of the political culture of ancient Japan, which were formed independently of Chinese influence. The study highlights the problem associated with inaccuracies in the well — established dating of the Jomon and Yayoi periods, which is significant in the context of the need to explain the reasons for the weakness of Chinese cultural influence on the population of the Japanese islands up to the IV century AD. The article examines the Shinto attitudes of the sacralization of the power of the emperors, the formal and actual place of the aristocracy in the political culture of the country and the specifics of the emergence of national identity in Japan. As a result of the research, the author comes

to the conclusion that the idea of deifying the emperor originates in archaic animistic beliefs and the idea of “pacifying the gods”, and then developed as a means of building a power hierarchy between the Yamato clan and other aristocratic clans. The predominantly peaceful nature of the unification of the Japanese islands and the subsequent militarization in the IV century A.D. allowed the creation of a system of government similar to the feudal system in Western Europe in the early Middle Ages. The sacralization of the figure of the emperor contributed to the legitimization of the power of the aristocracy, which allowed it by the end of the VI century AD. In the VI century A.D., the first features of national identity began to appear in Japan, which manifested itself in the idea of deifying the country and in the emergence of a self – identification system “friend – foe” in relation to other peoples. The ethno – cultural factor was a key factor for self – identification.

Keywords: political culture; ancient Japan; Yamato; sacralization of power; aristocratic rule; national identity; shinto

For citation: Kitsa B.V. The political culture of Japan in pre-state and early state period. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):147-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения проблемы становления политической культуры Японии в ее догосударственный и раннегосударственный период обусловлена необходимостью выявления факторов, оказывавших воздействие на политическое сознание и поведение японского общества на протяжении всей истории. Это позволяет определить наиболее стабильные и устойчивые во времени модели восприятия политики в Японии, оказывающие влияние и на современное общество. Понимание механизмов работы политической культуры позволяет эффективно выстраивать взаимодействие с японским обществом и государством, что особенно актуально в условиях политической конфронтации для обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отечественной политической науке до настоящего времени не сложилось комплексного представления о предпосылках формирования японской политической культуры. Данная работа охватывает догосударственный и раннегосударственный периоды японской истории и потому в большей степени фокусируется на изучении комплекса мифов и легенд. Несмотря на то, что существует ряд исследований, посвященных изучению данного периода, они не затрагивают вопроса непосредственного формирования политической культуры.

Анализ политической культуры древних обществ представляет собой сложную задачу. Отсутствие автохтонных письменных источников в изучаемый период вынуждает обращаться к данным археологии, а также к мифам, устному творчеству, письменным источникам либо иностранного, либо более позднего происхождения. Большую ценность приобретают методы исторической реконструкции. В данной работе этот метод применяется при анализе «Нихон сёки». Будучи написанной на камбуне по образцу китайских исторических хроник и под влиянием китайской политической мысли, эта хроника в то же время содержит множество особенных

сюжетов и идей. Реконструкция позволяет отделить те идеи и смыслы, которые сформировались в результате китайского влияния от идей, которые представляют собой оригинальную японскую мысль. Таким образом мы восстанавливаем представления японцев о власти, бытовавшие до проникновения в Японию китайской политической мысли.

В современной политической науке сложилось несколько подходов к анализу политической культуры, среди которых можно выделить три основных — субъективистский, объективистский и аксиологический.

Субъективистский подход, начало которому положили Г. Алмонд, С. Верба, Дж. Пауэлл, С. Пай и др., понимает политическую культуру как «совокупность установок относительно политической системы и ее частей, и установок относительно собственного места в данной системе» [1, с. 28]. Данный способ фокусируется на анализе субъективных ориентаций людей в политике. *Объективистский подход* связан с представлением о политической культуре как о совокупности норм политического поведения, наиболее распространенных в том или ином обществе. Он фокусируется на анализе формальных и неформальных правил поведения в политике и связан с такими исследователями, как С. Уайт, Д. Плейно, М. Дуглас и др. [2, с. 43].

Аксиологический подход воспринимает политическую культуру как стиль политической деятельности, воплощающей в себе убеждения, ценности и идеалы общества. Особый упор в исследовании делается на анализе культурных норм и традиций общества в целом. Видными представителями данного подхода являются А. С. Панарин, Э. Я. Баталов, И. Шапиро, У. Розенбаум, П. Шаран.

А. С. Панарин выделяет *три аксиологических элемента политической культуры*: традиции, унаследованные из прошлого; нормы, действующие в настоящем, и идеал («должное»), целевое будущее [3 с. 41]. Следует также отметить важную проблему соотношения политических ценностей

и политического поведения. В зависимости от того, какой акцент внимания в своих работах делают исследователи, используется и другая классификация — бихевиористские и интерпретационистские подходы [2, с. 38–43].

Для анализа политической культуры древних обществ наиболее применимы аксиологические подходы, поскольку обычно исторические источники (мифы, легенды, религиозные тексты, описания) содержат больше информации о политических установках людей, чем об их политическом поведении. Применительно к данной работе особый упор делается на анализе представлений о природе власти, ее функциях и назначении в соответствии с космологическими представлениями об устройстве мира.

Также в статье рассматривается феномен формирования национального самосознания. Вопрос применимости понятия нации в отношении древних обществ крайне неоднозначный. Среди различных подходов к пониманию нации вызывает особый интерес концепция этносимволизма. В отличие от конструктивистов, утверждающих, что нации возникли лишь в эпоху модерна (XVIII–XIX вв.), этносимволисты считают, что в основе современных наций лежат более ранние формы этнического сознания — мифы, легенды, общая историческая память, схожие формы национальной культуры, и особенно система идентификации свой — чужой, свойственные в том числе обществам Древнего Египта и Месопотамии. Таким образом, этногенез — это процесс эволюционного развития этнического сообщества, в котором нация модерна интерпретируется лишь последней стадией подобного процесса.

Энтони Д. Смит, один из представителей этносимволистского подхода, определил шесть основных критериев выделения этноса в эпоху премодерна: самоназвание, миф о едином происхождении, общая историческая память/нарратив, общность элементов культуры, ассоциация народа с территорией (представления о родине) и чувство солидарности к своим. К VI–VIII вв. н.э. в Японии начали формироваться национальное самосознание и представление об отличии японцев от других народов.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯПОНСКИХ ОСТРОВАХ

Становление политической культуры Японии относится к периоду Яёй, когда на Японские острова

начали прибывать первые переселенцы с материка, имевшие более сложную систему общественной организации, чем автохтонное население (культура Дзёмон). Вопрос датировок эпохи Яёй остается спорным. В качестве традиционно принятых в науке дат начала и окончания периода выделяют 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. Внутри периода различают три этапа: ранний Яёй (III–I вв. до н.э.), средний Яёй (I в. до н.э. — I в. н.э.) и поздний Яёй (I–III вв. н.э.). Однако некоторые японские исследователи, например профессор Н. Тоёхиро, на основании результатов радиоуглеродного анализа археологических находок предлагают установить начало раннего периода Яёй во второй половине X в. до н.э. [4, с. 93].

Вопрос датировки значим, поскольку можно обоснованно предположить, что на начальном этапе переселения культура протояпонцев должна была иметь много общих черт с политической культурой населения материка. Старая датировка не позволяет в должной мере объяснить, почему в культуре переселенцев не было представлений о ряде социально-политических доктрин, уже существовавших в Китае эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.). В частности, речь идет о конфуцианстве, легизме и даосизме, сформировавшихся к III в. до н.э. в систематизированный вид. Помимо этого, период с конца III в. до н.э. и до начала III в. н.э. в Китае характеризуется относительной политической стабильностью эпохи Империи Хань. Следовательно, логично предположить, что основная волна миграции на японские острова происходила в период между X и III вв. до н.э. Такая датировка совпадает с периодами междоусобных войн в Китае: эпоха Вёсен и Осеней (771–476 гг. до н.э.) и эпоха Сражающихся Царств (403–256 гг. до н.э.).

Корейская история также указывает на новую датировку периода Яёй. Первые протогосударственные образования на территории Кореи стали возникать в IX–VIII вв. до н.э., а первое упоминания общекорейского государства Кочосон относятся к 323 г. до н.э. Таким образом, в промежуток между IX и IV вв. до н.э. на корейском полуострове также проходит серия локальных военных конфликтов. Сходство черт керамики Яёй с корейской керамикой Мумун и географическая близость Японии и Кореи дают основания полагать, что корейский полуостров был еще одной отправной точкой переселения, которое происходило в то же время, что и миграция из Китая.

Изложенные выше факты позволяют утверждать, что культура Японии в данный период развивалась

независимо от культуры Китая и имеет больше черт сходств с культурой эпохи Шан, чем эпохи Чжоу. Например, в «Предании о людях Ва из хроники Вэй», источнике III в. н.э., упоминается обычай гадания на черепаших панцирях, практикуемый японцами на о. Кюсю [5, с. 15]. Данный обычай был широко распространен в Китае в эпоху Шан вплоть до XI в. до н.э. Следовательно, говорить о существенном влиянии китайской мысли на японскую политическую культуру можно не ранее V–VI в. н.э., когда в Японию начинают активно проникать иероглифическая письменность, буддизм и конфуцианство.

СИСТЕМА САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Среди схожих черт политической культуры Японии эпохи Яёй и Китая эпохи Шан выделяется практика обожествления правителя. В упомянутом выше источнике упоминаются правительница государства Яматай, Химики, следовавшая пути духов, и ее преемница, 13-летняя жрица Тайё. Сакральный статус правителя подчеркивался практикой сокрытия монарха от глаз простых людей и строительством особых погребальных сооружений — курганов, в которых закапывали рабов [5, с. 18, 25]. Таким образом, религиозная функция монарха имела значимость уже во II в. н.э.

В период между правлением Химики и Тайё в государстве Яматай имел место династический кризис, когда к власти пришел некий мужчина, который затем был свергнут. Также упоминается, что Тайё была избрана [5, с. 17–18]. Это свидетельствует о существовании институтов племенной демократии в раннем Яматай и отсутствии строгой системы наследования власти. Таким образом, сакрализация власти в эпоху Яёй изначально носила более утилитарный характер: правитель выступал в роли главного жреца, поскольку для осуществления религиозных обрядов необходимым условием была связь с богами.

Важным средством сакрализации власти выступает образ «идеального правителя». Обожествление правящего рода, помимо родственной связи с богами, также обусловлено проявлениями божественности в деяниях представителей императорской династии. В «Нихон сёки» представлено несколько особо ярких образов правителей, выступающих как образец «божественности». Среди них выделяются Дзимму (1-й император), Ямато — такэру (принц, сын 12-го императора Кэйко) и Нинтоку (16-й император).

Император Дзимму характеризуется в тексте как человек, обладающий мудростью и силой воли. В сражении против Нагасунэ-бико Дзимму использует хитрость, показывая мнимую слабость своего войска. Он проводит тактическое отступление и разворачивает войско спиной к солнцу, тем самым следуя «Пути Неба» [6, с. 179]. Мудрость Дзимму заключается в следовании небесному порядку, что позволило получить силу солнца и победить в битве. Далее в тексте приводится еще несколько описаний использования хитростей и тактических уловок. Дзимму верно толкует божественные знаки и беспрекословно исполняет ритуалы, что позволяет добиваться побед.

Дзимму описывается не только как успешный завоеватель, но и как законодатель и администратор. Его действия носят в себе черты «цивилизаторской миссии»: «Воистину, нам теперь надлежит возвести обширную столицу, чтобы она здесь процветала. Нынешний удел этого места — мрак и дикость, сердца людей еще не умудрены. Они селятся в гнездах, пещерах, и обычаи их делятся без перемен. Великие люди устанавливают законы и порядки, и эти правила непременно отвечают времени. И если народу от этого будет польза, то он ни в какой мере не станет противиться деяниям мудрецов». Логическим итогом деяний Дзимму становится установление ритуалов поклонения предков: «Души моих царственных предков, с Неба слетев, освещают мое тело и помогают мне. Всех врагов я уже усмирив, и недра морские не причиняют беспокойства. Потому высшим проявлением сыновней почтительности будет почтить Небесных богов» [6, с. 193].

Деяния Ямато Такэру описаны в свитке, посвященном императору Кэйко. Ямато Такэру описывается как богатырь нечеловеческой силы, однако его победы также были обусловлены хитростью, соотносящейся с божественным замыслом. Племя Кумасо побеждено благодаря уловке — Ямато Такэру, переодевшись в женское платье, во время пира напал на опьяневшего Капаками-такэру (второе имя — Тороси-кая) и победил его. В дальнейшем в тексте неоднократно подчеркивается, что победы Ямато Такэру обусловлены покровительством богов и государя: «И вот я снова отправляюсь, заручившись помощью душ богов Неба, богов Земли, мощь у государя заняв» [6, с. 247].

Император Нинтоку изображен как умелый правитель, основная благодетель которого — беспокойство о благосостоянии народа: «Небесного властителя ставят на пост ради блага ста родов.

И властитель при том сто родов полагает за основу. Поэтому мудрые правители прошлого, даже если всего один подданный голодал и мерз, старались сократить свои потребности» [6, с. 304].

Очевидная проблема интерпретации «Нихон сёки» связана с тем, что данный текст был написан в VIII в. н.э. и испытал значительное влияние китайской литературной традиции. Японцы в данное время уже тесно знакомы с буддизмом и конфуцианством. Так, в тексте регулярно используются китайские термины, процитированная выше речь императора Дзимму изобилует штампами из китайской классической литературы, а образ императора Нинтоку обладает всеми конфуцианскими добродетелями: человеколюбием, справедливостью, верностью обычаям, мудростью и искренностью. Описания военной тактики и боевых действий отсылают к военной доктрине Сунь Цзы, основанной на искусстве обмана. Однако текст содержит и множество уникальных мотивов, идей и сюжетов, позволяющих частично реконструировать представления об идеальном правителе в японской культуре до распространения конфуцианства и буддизма.

Главной отличительной чертой японского правителя является его божественность. В отличие от китайского императора, выступавшего посредником между людьми и обезличенным абсолютным небом, японский император выступает как прямой потомок небесных богов, сошедших на землю. Связь китайского императора с небом обусловлена накоплением добродетели Дэ, в то время как связь японского императора обеспечена правом родства. Иными словами, если китайский император правит до тех пор, пока следует небесной воле и принципам, то в Японии воля небес заключается в том, чтобы императорская династия продолжала править. Обращаясь к Ямато Такэру, император Кэйко произносит: «Поэтому понятно, что хотя обликом ты мой сын, но на самом деле — бог — человек. Воистину, не означает ли это, что Небо сожалеет о том, что я неразумен, а страна не усмирена, и желает оно помочь, чтобы наследные дела вершились и впредь и чтобы дом владык страны не прекратил существование» [6, с. 247].

Из божественности императора следует его основная функция «усмирителя», своими действиями устанавливающего порядок, согласующийся с небесной волей. Император усмиряет не только людей, но и богов: «Бог пролива Кибинанана и бог пролива Касипа в Нанипа — божества с вредоносным сердцем. Они выдыхают ядовитое дыхание,

терзают путешественников, причиняют многие бедствия. Их я тоже убил и тем открыл пути по воде и посуху» [6, с. 245].

Идея правителя-усмирителя берет свое начало в обрядах земледельческих общин, вынужденных регулярно обращаться к божественным силам с жертвоприношениями для получения удачного урожая. Подобное магическое мышление было свойственно многим архаическим народам. Усмирение богов, в свою очередь, является развитием идеи жертвоприношения — если бога можно задобрить, то его можно и запугать. Усмирение божеств выступает как прерогатива правителя, вобравшего в себя как человеческие, так и божественные черты. Синтоизм предполагает существование первоначального порядка, иерархии, и усмирение ведет к восстановлению этого порядка там, где он был нарушен. Таким образом, существование власти обосновывается первоначальной небесной иерархией. Так образ правителя-жреца, задабривающего богов, эволюционировал в образ правителя-бога, усмиряющего иных богов, поддерживая земной и небесный порядок. Образ правителя-мудреца сформировался позднее под влиянием китайской традиции.

РОЛЬ АРИСТОКРАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Ряд исследователей утверждает, что военная функция аристократии в Японии не была столь же значимой, как в иных древних обществах, а некоторые вовсе склоняются к мнению, что государство Ямато представляло собой конфедерацию различных региональных кланов. Т. Мацуги утверждает, что роль насилия в процессе политического объединения Японии менее существенна, чем в других обществах на той же стадии развития [7, с. 134]. Это подтверждается относительно малым количеством археологических находок предметов военного назначения. Несмотря на то, что некоторые следы милитаризации культуры наблюдаются начиная со II в. н.э., основное развитие данный процесс получил во второй половине IV в. н.э., когда правители Ямато стали проводить военные кампании на корейском полуострове.

Рост милитаризации подтверждается исследованиями курганных захоронений. В начале IV в. н.э. курганы кофун появляются в долине Нара и до конца VI в. распространяются по всей территории Японии, после чего резко исчезают [8, с. 149–153]. Массовое курганное строительство свидетельствует о консолидации власти в руках вождей. В это же

время захоронения элиты сооружаются обособленно от захоронений общинников, прекращается изготовление ритуальных колоколов дотаку и иных ритуальных бронзовых инструментов, а в захоронениях обнаруживается больше оружия. Аграрные обряды общин заменяются на индивидуальные погребальные обряды в курганах с использованием зеркал [8, с. 143–144]. Одной из значимых групп курганов являются курганы в Макимуку, которые Д. Л. Барнс связывает с «политией Мива (Сики)», ставшей, по его мнению, предшественницей Ямато [9, с. 356]. В конце VI в. знать была лишена права строительства захоронений, сравнимых с императорскими.

В IV–VI вв. н.э. система управления регионами строилась по феодальному принципу — различные провинции возглавлялись местной знатью во главе с представителями могущественных кланов, пользовавшихся широкой автономией. Также кланы обладали собственными армиями, периодически собиравшимися вместе для осуществления военных кампаний, и императоры не испытывали потребности в содержании большого личного войска. Таким образом, власть правителей Ямато, несмотря на божественный статус, вовсе не была абсолютной, а император по большей части выступал как арбитр в спорах между различными группами элит.

К концу периода Кофун в Японии предпринимаются попытки институционализации элит, формируется «система кланов и титулов» (氏姓制度 — сисэй / удзи-кабанэ сэйдо). Понятие «удзи» соответствует понятию «клан» и обозначает политическую группу, состоящую из главной и подчиненных семей. Главная семья осуществляла непосредственные отношения с властью Ямато и выступала как ее представитель на местах. Удзи не являлись естественными родоплеменными сообществами, а уже представляли собой политические группы, находившиеся в определенных отношениях с государством. Понятие «кабанэ» обозначает титул или социальный ранг, определяющий место того или иного удзи в политической иерархии страны. В эпоху Кофун данная система не имела четкой регламентации, количество удзи и кабанэ менялось со временем. Отдельно следует отметить существование профессионально-семейных групп (род — корпорация) — «бэ». Некоторые бэ пользовались автономией, другие находились под контролем тех или иных удзи, но, так или иначе, они представляли собой отдельную социальную единицу, занятую тем или иным ремеслом [10, с. 57–58].

Легитимизация местных правителей строилась по тому же принципу, что и легитимизация правителя Ямато. Это было возможно ввиду политеистического характера синтоистской религии. Например, в корпусе мифов провинции Идзумо центральное место занимает не Аматаэрасу, а Окунинуси (также известен как Онамудзи). В каждом отдельном племенном союзе создавалась своя религиозная система, со своими божествами и комплексом мифов. В дальнейшем одной из важнейших функций руководителей кланов будет поддержание святилищ на подконтрольной им территории. Клан Ямато в этом аспекте слабо отличался от других кланов, все они действовали в рамках общей культурной традиции.

Важной целью составления официальных хроник «Кодзики» и «Нихон сёки» было создание общего историко-мифологического нарратива, встраивающего различные кланы в общенациональную мифологию. Все кланы пытались так или иначе провести свою линию наследования к роду императора или его сподвижников, тем самым через сакральность власти императора легитимизировать собственную власть. Так, упомянутый ранее клан Сога произошел от китайско-корейских переселенцев, но они сами возводили свой род к Такэноути-но Сукунэ, сподвижника императора Сэйму и ряда других правителей.

Вероятно, что одной из причин несменяемости правящей династии в Японии является обожествление императора, выгодное элитам, ведь из его сакрального статуса они черпали собственную легитимность. Божественный статус императора не означал наличие абсолютной власти, а уже в VI в. н.э. аристократические роды нашли способ управлять страной за кулисами. Клан Сога оказывал влияние на императорский дом путем женитьбы дочерей клана на наследниках престола. Апофеозом данной политики стала деятельность Сога-но Умако, который, возведя на престол свою племянницу императрицу Суйко, управлял страной совместно с принцем Сётоку. В 645 г. Накатоми-но Каматари (также известен как Фудзивара-но Каматари) сверг род Сога, но затем уже его преемники под родовым именем Фудзивара установили аналогичную систему регентства в период Хэйан.

Таким образом, к VII в. н.э. в Японии сформировались предпосылки системы аристократического правления, при котором монарх «царствует, но не правит». Периодически императоры предпринимали попытки вернуть власть, однако

все они оканчивались неудачей. В период Хэйан власть находилась в руках придворной аристократии кугэ, а в периоды Камакура, Муромати, Адзуты-Момояма и Эдо в руках самурайской аристократии. Ситуацию не изменила даже реставрация Мэйдзи — императоры, формально вернув себе всю полноту власти, продолжали следовать уже устоявшейся политической традиции.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Вместе с идеей обожествления императорского рода в Японии возникает идея обожествления самой страны (神国 — «Синкоку» — Страна богов). «Так, в Нихон сёки приводятся слова, которые якобы сказал правитель Силла: «Услышал я, что на востоке есть страна богов, зовется она Ямато. В ней правит правитель — мудрец, именуемый сумера-микото “Небесный повелитель”. И не иначе как это божественное воинство — из той страны» [6, с. 268]. Идея о божественности страны прослеживается и в почитании Ямато-Окунитама-но ками, чей статус был крайне высок: «А до этого двух богов-столпов — великую богиню Амата-расу-опомиками и Ямато-но опо-куни-митама, Душу великой страны Ямато, почитали ритуалами в великом государевом дворце» [6, с. 207]. Таким образом, божественность была не только свойством правителя, но и самой страны.

Для обозначения простого люда в «Нихон сёки» используется слово «сто родов», которое имеет китайское происхождение («百姓» — кит. байсин / яп. хякусё). Чаще всего в тексте данный эпитет используется в связке с понятиями «страна», «правитель», «урожай», «спокойствие», «беспокойство». «Тот, кто наверху, милосердно использует сто родов. Сто родов радуются, и Поднебесная пребывает в спокойствии» [6, с. 297], «Сто родов в спокойствии слушаются правителя, четыре окраинных варвара покорены» [6, с. 369]. Регулярное упоминание варваров в тексте свидетельствует о том, что японцы ясно отделяли себя от представителей других народов, живших на японских островах. Таким образом, идея народа как единой сущности в Японии сформировалась благодаря китайскому влиянию. В то же время, сами японцы в своем общественном развитии дошли до уровня, когда они могли воспринять эту концепцию.

Идея народа Ямато была не столько импортирована, сколько адаптирована к местным условиям. Уже в VI в.н.э. в Японии возникает движение, на-

правленное на сохранение самобытности культуры, противодействие иностранному влиянию. В «Нихон сёки» описан эпизод, свидетельствующий о существовании пробуддистских и антибуддистских фракций при дворе в середине VI в.н.э. Буддизму покровительствовал клан Сога: «Сога-но Опооми Инамэ-но Сукунэ сказал: “Все соседние страны на Западе почитают его. И разве только одна страна — страна Урожайной Осени Ямато — может отвергнуть его?”». «Мононобэ-но Опомурази Вокоси и Накатоми-но Мурази Камако совместно обратились к государю: “Правители, пребывавшие в Поднебесной нашей страны во все времена, весной, летом, осенью и зимой почитали 180 богов в святилищах Неба и Земли. Если же станем заново почитать бога соседних стран, то боги нашей страны могут разгневаться.”» [11, с. 53].

Ключевую роль в самоидентификации японцев играл этнокультурный фактор, принадлежность к японской культурной традиции. Здесь примечателен эпизод, как Ямато Такэру взял в плен представителей эмиси и преподнес их в дар святилищу Исэ. Из-за того, что эмиси не соблюдали культурных обычаев, религиозных предписаний и плохо интегрировались в общество, их переселили в удаленные от столицы земли, где они в дальнейшем составили Сапэки-бэ (род-корпорация, предположительно занимались защитой восточных границ) [6, с. 251]. То есть, варвары хоть и встроились в социальную систему Ямато, но не смогли ассимилироваться в полной мере.

В то же время, нам известно множество иных примеров, когда выходцы из Китая и Кореи со временем интегрировались в японское общество и даже встраивались в элиту. Служба императору являлась значимым критерием этнической идентификации, поскольку император был центральным элементом японской культуры, но принадлежность к японскому народу не сводилась к подданничеству. Если перефразировать: «Каждый японец был подданным императора, но не каждый подданный императора был японцем».

Как и в случае с европейскими нациями раннего средневековья, японское национальное самосознание строилось исходя из схемы отождествления страны, правителя, народа и богов. В Европе данные представления возникли как интерпретация истории еврейского народа из Ветхого завета: евреи как народ имеют особый завет с Богом и потому имеют право на землю обетованную, а еврейский царь выступает как помазанник Божий.

Беда Достопочтенный в VIII в. под воздействием библейской традиции описал историю народа англов. Такую же схему выстраивает Митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати», провозглашая Русь новым христианским народом. В тексте «Слова» активно используются и связываются между собой понятия «русский народ», «русская земля», «Русь» (как страна, в сопоставлении с «царством эллинов» и «царством римлян»), а князь Ярослав Мудрый напрямую отождествляется с библейским царем Соломоном.

Таким образом, в Японии к началу VIII в. уже сложилась система идентификации «свой — чужой», заложенная в основу национального самосознания. Японцы разделяли богов на «своих» и «чужих», тем самым отделяя себя от других народов. Япония является «Страной богов», потому что ками (боги-духи) живут на ней и ей покровительствуют. Япония представляет собой особое, живое пространство, место непосредственного сожительства людей и ками, и потому и народ, и земля, и монарх оказываются тесно и неразрывно связаны через божественную связь. Таким образом, японец в данную эпоху — это тот, кто живет в «Стране богов» (ками-но куни) и этим богам служит. Первоначальное неприятие буддизма было связано с восприятием Будды как иноземного ками. Победа клана Сога в усобице второй половины VI — начала VII в. позволила буддизму закрепиться в Японии, но эта победа не была абсолютной — массовое распространение буддизма стало возможно лишь благодаря встраиванию буддизма в местную систему верований, синто-буддистскому синкретизму.

ВЫВОДЫ

Политическая культура древней Японии формировалась под влиянием ряда уникальных факторов. Важную роль в формировании представлений и установок в отношении феномена власти сыграли анимистические верования о существовании бесчисленного множества богов-духов ками, оказывающих непосредственное влияние на человеческую жизнь и с которыми можно взаимодействовать. Ранние земледельческие общины использовали обряды жертвоприношений, чтобы умилистить ками. Правитель выступал в роли верховного жреца, поскольку имел особую связь с богами. Политическое объединение японских островов привело к формированию образа правителя-усми-

рителя, способного запугивать и побеждать богов, что легло в основу идеи о его родственной связи с высшими богами. Император, будучи потомком богини солнца Аматаэрасу, воплощает ее волю и тем самым получает безусловное право на правление в стране. Политеистический характер синтоизма позволил выстроить систему, в которой родовые божества правящей династии заняли центральное место в пантеоне, возвысившись над региональными божествами.

Сакрализации власти императора способствовала аристократия, поскольку связь с предками императора укрепляла их собственную легитимность. Территориальный характер синтоизма также усиливал позиции аристократии — кланы были ответственны за почитание локальных божеств. Низкая роль насилия в процессе объединения японских островов в IV в. н.э. позволила многим региональным кланам сохранить широкую автономию на подконтрольных территориях. Император не испытывал нужды в содержании большого личного войска, поскольку армия формировалась из локальных ополчений различных провинций. Усиление влияния аристократии привело к формированию в VI в. н.э. системы аристократического правления, которая в различных формах просуществовала вплоть до реставрации Мэйдзи.

В VI в. в Японии начинают проявляться черты национального самосознания. Оно формируется через отождествление и установление связи между четырьмя понятиями — земля, народ, правитель и боги. Понятие «народ» японцы заимствовали из Китая («сто родов»), однако к моменту заимствования в Японии уже сформировались предпосылки для возникновения данной концепции. В тексте «Нихон сёки» это понятие используется в связи с понятиями «правитель» и «поднебесная», что говорит об отождествлении страны, правителя и народа. Вместе с обожествлением правителя происходит и обожествление земли, что проявляется в понятии «земля богов» и в почитании Ямато Окунитамата-но — ками. Возникает система идентификации «свой — чужой», японцы отделяют себя как от «варваров», так и от корейцев с китайцами. Этнокультурный фактор самоидентификации выступал как основной. Во второй половине VI в. возникает движение за сохранение культурной самобытности, связанное с проникновением в страну буддизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. Москва: Мысль; 2014. 500 с.
2. Алисова Л.Н., Голенкова, З.Т., Иванов, В.Н. и др. Политическая социология. Москва: Мысль; 2000. 293 с.
3. Колпаков В.В. Подходы к определению термина «политическая культура». *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2017;(4):38–44. URL: <https://elibrary.ru/yordmt>
4. Toekhiro N., Fudzio S., Imamura M. et al. Dating the beginning of the Yayoi period. Creation of high-precision dating using carbon-14 accelerator mass spectrometry. *Sokendai University Cultural Studies*. 2005;(1):69–96. URL: http://www.initiative.soken.ac.jp/journal_bunka/050509_fujio/thesis_fujio.pdf (In Jap.)
5. Нонно Т. «Записки о людях ва из хроники Вэй»: перевод и комментарии. *Вестник Сахалинского музея*. 2021;(2):6–25. URL: <https://elibrary.ru/ZVPJQA>
6. Ермакова Л.М., Мещеряков А.Н. Нихон сёки: Анналы Японии. Перевод и комментарии (в 2 т.). Санкт-Петербург: Гиперион; 1997. Т. 1. 494 с.
7. Matsugi T. Conflicts and wars in the prehistoric and protohistorical periods of the history of the Japanese archipelago. *Annual Reports of the Anthropological Institute*. 2021;(12):124–136. URL: <https://nanzan-u.repo.nii.ac.jp/records/3813> (In Jap.).
8. Бакшеев Е.С. Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности. *Ежегодник Японии*. 2021;(50):130–162. DOI: 10.24412/2687–1440–2021–50–130–162
9. Barnes G.L. Archaeology of East Asia: The Rise of Civilization in China, Korea and Japan. Oxford: Oxbow Books; 2015. 432 p. URL: https://www.academia.edu/8474699/Archaeology_of_East_Asia_the_rise_of_civilization_in_China_Korea_and_Japan_532pp_Oxbow_Books_2015_
10. Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии. *Известия Восточного института*. 2017;(4):48–61. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/48-61
11. Ермакова Л.М., Мещеряков А.Н. Нихон сёки: Анналы Японии. Перевод и комментарии (в 2 т.). Санкт-Петербург: Гиперион; 1997. Т. 2. 427 с.

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. Civic culture. Political attitudes and democracy in five countries. Moscow: Mysl'; 2014. 500 p. (In Russ.).
2. Alisova L.N., Golenkova Z.T., Ivanov V.N. et al. Political sociology. Moscow: Mysl'; 2000. 293 p. (In Russ.).
3. Kolpakov V.V. Approaches to the definition of the term "Political culture". *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2017;(4):38–44. URL: <https://elibrary.ru/yordmt> (In Russ.).
4. Toekhiro N., Fudzio S., Imamura M. et al. Dating the beginning of the Yayoi period. Creation of high-precision dating using carbon-14 accelerator mass spectrometry. *Sokendai University Cultural Studies*. 2005;(1):69–96. URL: http://www.initiative.soken.ac.jp/journal_bunka/050509_fujio/thesis_fujio.pdf (In Jap.)
5. Nonno T. "Notes on the Wa people from the Wei Chronicle": Translation and comments. *Bulletin of Sakhalin Museum*. 2021;(2):6–25. URL: <https://elibrary.ru/ZVPJQA> (In Russ.).
6. Ermakova L.M., Meshcheryakov A.N. Nihon shoki: Annals of Japan. Translation and comments. (in 2 Vol.). St. Petersburg: Giperion; 1997. Vol. 1. 494 p. (In Russ.).
7. Matsugi T. Conflicts and wars in the prehistoric and protohistorical periods of the history of the Japanese archipelago. *Annual Reports of the Anthropological Institute*. 2021;(12):124–136. URL: <https://nanzan-u.repo.nii.ac.jp/records/3813> (In Jap.).
8. Baksheev E.S. Burial structures of the Yayoi-Kofun periods and the emergence of Japanese statehood. *Yearbook Japan*. 2021;(50):130–162. (In Russ.). DOI: 10.24412/2687–1440–2021–50–130–162
9. Barnes G.L. Archaeology of East Asia: the Rise of civilization in China, Korea and Japan. Oxford: Oxbow Books; 2015. 432 p. URL: https://www.academia.edu/8474699/Archaeology_of_East_Asia_the_rise_of_civilization_in_China_Korea_and_Japan_532pp_Oxbow_Books_2015_
10. Kozhevnikov V.V. The formation of an ancient state in Japan. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*. 2017;(4):48–61. (In Russ.). DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/48-61
11. Ermakova L.M., Meshcheryakov A.N. Nihon shoki: Annals of Japan. Translation and comments. (in 2 Vol.). St. Petersburg: Giperion; 1997. Vol. 2. 427 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHORS

Богдан Викторович Кица — аспирант сектора Философии российской истории, Институт философии РАН, Москва, Российская федерация

Bogdan V. Kitsa — PhD Student, Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-0186-0843>

tithos@bk.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.07.2025; принята к публикации 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.07.2025; accepted for publication 11.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.